

Архимандрит Тихон (Шевкунов): На Пасху мы получаем приглашение в будущую жизнь

О предстоящем празднике Воскресения Христова, о жизни и смерти, вере и бессмертии беседуем с архимандритом Тихоном (Шевкуновым), наместником московского Сретенского монастыря.

Смерти нет

— Отец Тихон, почему Пасха каждый раз празднуется не как очередная годовщина Воскресения Христа, а как само Воскресение?

— Поразительное открытие сделал почти 2 тысячи лет назад апостол Павел. Он сказал: «Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки — тот же».

Христиане чувствуют великую силу этих слов, если вера для них не предмет лишь традиции, а живая жизнь, если они и ощущают, и проживают общение с Богом как самую главную реальность своей жизни. Это относится и к Воскресению. Передать это лишь какими-то теоретическими посылами, к сожалению (или к счастью), невозможно. Так уж Бог устроил. Да если бы вера была просто теория, Церковь Христова зачахла

бы уже через несколько лет после своего возникновения. Ведь наша вера — не что иное, как живая связь между Богом и людьми, между Богом, ставшим человеком — Иисусом Христом, и каждым из нас, христиан.

Живое ощущение пульса вечности, отзывающегося в каждом христианине, особенно чувствуется в праздник Пасхи — Воскресения. Маленькие дети до взросления отчетливо осознают, что смерть — это нечто совершенно чуждое, непонятное и противоестественное человеку. Мы, взрослые, хорошо помним это детское ощущение реальности вечности как одну из констант бытия только что вошедшего в Божий мир человека.

Таких констант у ребенка несколько, но они являются для него несомненной истиной. Это, пожалуй, любовь матери, ежедневное открытие прекрасного мира и убежденность в вечности своего бытия и вечности всех тех, кто охвачен любовью ребенка: «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я».

Но даже когда человек взрослеет и даже приближается к концу жизни, ощущение абсурдности собственной смерти не покидает его до последней минуты. Это может засвидетельствовать каждый врач и каждый священник. И это совсем не какие-то психологические феномены, не самообман. Это поразительная реальность, открытая человеку. И Воскресение Христово говорит нам о том, что мы не ошибаемся: смерти для души человеческой, для человеческой личности нет. Открытие жизни будущего века, царства не от мира сего, приглашение в него — это и есть сущность Евангелия, главный смысл Воскресения и суть дела Иисуса Христа в человеческом роде.

— Но что же нужно для того, чтобы научиться вот так праздновать Воскресение — как сегодняшнее, реальное событие? Ведь сейчас многие знают правила: как святить куличи, сколько раз целоваться и креститься... А может быть, какого-то самого главного знания нам не хватает?

— Да, в этом — самом главном — каждому человеку придется разобраться только самому. По-другому не бывает. Христос лишь терпеливо, с непостижимой для нас

На Пасху мы получаем приглашение в будущую жизнь

Автор: Admin

13.04.2015 07:04 - Обновлено 18.08.2015 08:58

любовью Отца приглашает каждого человека. Но никогда не совершает насилия над нашей свободой.

Но если человек не разобрался с вечностью в своей жизни, то, значит, он не разобрался ни с чем вообще. И жизнь прожита зря. Если человек не ставил себе эти «проклятые вопросы», по знаменитому выражению Достоевского, и не пытался всеми силами на них честно ответить, то человек не сделал в жизни абсолютно ничего. Даже если он посадил тысячу деревьев, построил целый город и родил десяток сыновей. Христос оставляет нам такие слова: «Если человек приобретет весь мир, а душу свою потеряет, нет ему в том никакой пользы».

Вот в чем главный вопрос и открытие Пасхи. Это и есть главное. А уж в какой цвет красить к празднику куриные яйца, какие печь куличи, поверьте, это 1025-е дело.

— Так чтобы разобраться в этом, что надо делать — читать, молиться, к священнику обращаться?

— Сейчас на службах во время поста в храмах часто вспоминается древний стих из Библии «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша». Конечно же, искать ответы на главные вопросы надо в первую очередь в церкви со священником. Скажут, не всякий батюшка сможет доступно и ясно ответить. Что ж, значит, надо искать следующего.

Для кого-то помощником в этом главном деле жизни может быть верующий друг. Для кого-то это могут быть книги. Здесь нельзя дать готового рецепта.

Духовник — не потаковник

— А священника для таких бесед, духовника можно избирать любого, полагаясь на то, что Бог даст подходящего, или стоит искать?

— Глубоко убежден: духовника надо искать. Молиться и снова искать. Не следует сразу первому попавшемуся священнику говорить: будьте моим духовником. Надо пообщаться с ним, походить к нему на исповедь, посмотреть, насколько он может ответить именно на ваши запросы. Познакомиться с другим, с третьим священником: А потом уже решать.

Духовник не должен быть потаковником, как говорили в Древней Руси. То есть он не должен потакать грехам. Он непременно должен быть добрым, милостивым, но от любви к вам — взыскательным, должен вести вас ко Христу по закону Евангелия, а не по тому закону, который вы сами начнете ему диктовать.

Это принципиальный вопрос. Это точно так же, как выбирать врача. Можно с врачом договориться — и он разрешит вам массу поблажек. И этим погубит. А можно искать и найти врача, который вылечит.

— Пасхальные праздники — хорошее время для того, чтобы сделать вот такой главный шаг к храму?

— Тем, для кого церковь еще не является домом, хотелось бы пожелать, чтобы они сами ощутили и увидели, как прекрасна, добра, удивительно светла жизнь в Христовой Церкви, сколько в ней предуготовано будущего для каждого человека.

— Отец Тихон, а какой из пасхальных праздников в вашей жизни вам вспоминается чаще других?

— Каждая Пасха — незабываемое событие, яркое, по-своему исключительное. А вот из предпасхальных дней, то есть как раз из того периода, что мы сейчас с вами переживаем, можно вспомнить одно очень необычное переживание и приключение. И хотя связано оно, как это ни покажется странным, с нарушением правил Великого поста, но остается для меня одним из самых трогательных и дорогих воспоминаний. Эта история описана в книге «Несвятые святые», и хотелось бы предложить ее читателям «Труда».

— Ваша книга стала сенсацией — тираж для такой тематики беспрецедентный. Вы сами ожидали этого?

— Нет, не ожидал. Действительно, вышло уже почти 800 тысяч экземпляров книги, и скоро придется допечатать еще 200 тысяч. Так что к осени, кажется, будет миллион — это за год. Сейчас делаются переводы на несколько иностранных языков. Конечно, приятно, что рассказанное в книге стало важным для людей и верующих, и совсем не церковных. А для меня самое большое чудо — что удалось выкроить время для работы над этой книгой.

По грехам нашим

— Интерес к вашей книге — еще одно проявление того, что у людей растет тяга к вере, к церкви. Но ведь в последнее время четко обозначился и противоположный вектор — агрессивного отношения к церкви. И такая агрессия становится все более ощутимой. С чем это связано?

— Принципиально нового тут ничего нет. Антицерковные силы были всегда. Достаточно перечитать, например, некоторые работы архиепископа Никона (Рождественского), одного из самых моих любимых церковных авторов прошлого века. Сто лет назад он описывал ситуацию в обществе так, как будто речь идет о сегодняшних днях. К сожалению, история мало чему учит.

— Но нынешние события — и хулиганство в храме Христа Спасителя, и последующие атаки на церковь — для многих все-таки стали неожиданными, а потому особенно болезненными, разве не так?

— А ведь мало кто осознает, что 21 февраля 2012 года впервые после самых тяжелых лет советской власти сознательно осквернен храм. Конечно, никакая это не политическая акция. Кошунство и отвратительный большевистский разбой хотят выдать то за высокую политику, то за доступное лишь избранным «искусство». А произошло просто холодно продуманное надругательство над самым дорогим для православных людей — грязная ругань в отношении Христа и Пресвятой Богородицы, кошунственные пляски у царских врат с неистовым желанием совершить как можно более изощренную

гадость в храме.

Мне смешно, когда их называют «девчушками». Это здоровые, отдающие отчет в своих поступках тетки. У них есть дети. Конечно, выбрали именно таких. Следующими пошлют подростков.

Конечно, их по-настоящему жалко. Врагу не пожелаешь оказаться на их месте. Впереди у них целая жизнь. Но до смерти они останутся со страшным клеймом: впервые после большевиков они осквернили храм Христа Спасителя. Это будут знать их дети, их внуки:

А ведь перед этим, за несколько дней, они совершили то же самое в знаменитом Богоявленском соборе Москвы. Потрясенные прихожане и священники тогда задержали их. Поговорили. Простили. Просили больше не делать такого. И отпустили с миром. Вскоре они появились в храме Христа Спасителя:

«Прости их, Господи, не ведают, что творят!» — молил о своих распинателях Христос. И действительно, римские солдаты не знали, кого они распинают. В отличие от них осквернительницы прекрасно знали, что делали.

От нас требуют простить их: Поверьте, мы, православные христиане, не держим на них зла. И от всего сердца готовы искренне их простить. Да только им совсем не нужно наше прощение. Они об этом открыто заявляют, говоря, что не жалеют о содеянном, гордятся им и ничуть не раскаиваются. Им нужно от нас не прощение, а другое — безнаказанность. Они и их вдохновители всеми способами стараются вытянуть у общества и у церкви «прощение» как индульгенцию на будущие подобные поступки. Но русская церковь индульгенций не выдает.

А простить? Да простили мы их давно! И молимся о них, и желаем увидеть наконец в них и человеческий образ, и образ матери, и образ христианки, если они крещены:

Но в то же время наш долг — поставить перед ними и такими, как они, действенную

преграду. Какая именно будет эта преграда, не вопрос к церкви. Это должно решить государство и общество. Ведь все эти бесчинства неминуемо закончатся тем, что грядущие «перформансы», как они их называют, будут уже с кровью. Это обычная вещь для подобных революционных развлечений.

Через несколько дней после описанных нами событий произошли кошунства в храме города Невинномысска, потом — в Вологде. Там взломали и осквернили алтари, разрубили иконы, повалили и искололи кинжалом Распятие...

— Но все же, с духовной точки зрения, каковы причины всего этого?

— Для того чтобы говорить с духовной точки зрения, надо быть по-настоящему духовным человеком. Так что не мне давать ответ на ваш вопрос. Но вот по-настоящему духовные люди, наши благочестивые предки, думаю, признав, конечно же, и наличие антицерковных сил, и спланированность атак на церковь, все же ответили бы так: «По грехам нашим посылает это на нас Господь!»

ИЗ КНИГИ «НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ»

**«О нарушении церковного устава,
или О том, как мы с князем Зурабом Чавчавадзе нарушали Великий пост»**

В 1998 году префект Центрального округа Москвы, в котором расположен наш Сретенский монастырь, Александр Ильич Музыкантский рассказывал мне о своей поездке в Грозный и о том, в каких ужасных условиях пребывает там уже немногочисленная к тому времени православная община. Мы с братией монастыря испросили благословения у Святейшего Патриарха Алексия на сбор помощи для церкви Грозного и за три дня доверху набили огромную грузовую машину продуктами, медикаментами и одеждой. Наши прихожане принесли к тому же немало денег, мы

добавили еще из монастырских средств, и получилась приличная по тем временам сумма. Было трогательно видеть, как люди отдавали порой самое необходимое и почитали радостью для себя хоть чем-то помочь своим собратьям.

Александр Ильич Музыкантский через правительство Москвы сумел договориться с правительством Масхадова, тогдашнего главы Чечни, о нашей поездке и о раздаче к Пасхе помощи грозненским христианам. Евгений Алексеевич Пархаев, директор патриарших Софринских мастерских, передал для разбомбленной и разграбленной церкви Грозного все необходимое для богослужения.

Выезд был назначен на понедельник Страстной седмицы. За день до отъезда я сообщил о предстоящем путешествии своему другу Зурабу Михайловичу Чавчавадзе и попросил, если со мной что-нибудь случится, позаботиться о моей маме. Но Зураб заявил, что непременно отправится со мною. Как я его ни уговаривал, как ни убеждал, что ему, мужу и отцу, никак нельзя рисковать собой, князь был непреклонен. Он даже сослался на то, что его прапрабабушка княжна Нино Чавчавадзе в конце XIX века была похищена черкесами, но вскоре освобождена. Мол, это хороший знак для успешной поездки. В конце концов мне пришлось согласиться, и мы с моим верным другом, попросив молитв Святейшего Патриарха Алексия, отца Иоанна (Крестьянкина) и других печерских старцев, отправились в Грозный.

Картина перед нами предстала ужасная. Разбомбленный Грозный лежал в руинах, мы не встретили ни одного целого многоэтажного дома. Нам еле-еле удалось выпросить разрешение провезти через чеченскую таможню несколько бутылок кагора для службы в храме — в Ичкерии действовал запрет на алкоголь. Слава Богу, все благополучно обошлось и с деньгами, которые я провозил тайком, обвязав вокруг тела. Эти средства требовались прежде всего для раздачи русским грозненцам: ведь они вот уже несколько лет не получали ни зарплаты, ни пособий, ни пенсий. Часть денег предназначалась священнику, другая — для матерей, которые разыскивали по Чечне своих сыновей, попавших в плен.

Остановились мы в расположении группы официального представителя президента России в Чечне. Это был небольшой участок за аэропортом Северный: две старые деревянные казармы. В первой находилось официальное представительство России в Ичкерии. Здесь жили несколько генералов и офицеров; тут же поселили и нас с Зурабом. Во второй казарме размещались 60 омовцев. Их задачей, как мне объяснили, было в случае нападения противника продержаться 15 минут, пока офицеры уничтожат шифровальные машины и документы.

Встретили нас очень тепло. Сопровождать Зураба и меня было поручено одному из наших офицеров, но руководство честно предупредило, что в сложном случае этот офицер мало чем сможет помочь, разве что героически умереть за нас. По приказу Масхадова к нам приставили еще четверых вооруженных чеченцев. На тревожный вопрос, надежна ли эта охрана, нам ответили, что если они не продадут нас по дороге, то все будет в порядке. Мы с Зурабом, чтобы зря не перенапрягаться, решили считать это шуткой.

До позднего вечера мы развозили продукты и вещи, раздавали деньги. Часть еды и лекарств передали в детский дом. В разрушенном храме Архистратига Михаила встретились со священником отцом Евфимием и договорились о службе через два дня, в Великий четверг. На литургию должны были собраться несколько сотен оставшихся христиан со всего Грозного. Государство бросило их на произвол судьбы. То, что они пережили за эти годы, трудно поддается описанию. Мы были счастливы, что хоть чем-то можем помочь им.

Степень ненависти после войны была такова, что русским иногда запрещали даже разбить маленький огород, чтобы иметь хоть какое-то пропитание. Пока мы ходили по городу, мой подрясник оказался изрядно заплеванным, но мы с Зурабом старались этого не замечать, чтобы не спровоцировать худшее.

Чтобы решить еще несколько вопросов, нам с Зурабом предложили переночевать не в российском представительстве, а где-то в городе и без сопровождающего офицера. Офицер был, разумеется, категорически против, но мы с Зурабом решили положиться на волю Божию и на порядочность сопровождающего нас представителя правительства Чечни. Офицер предупредил, что снимает с себя всякую ответственность, и вынужден был уехать. А нас повезли куда-то на окраину Грозного в частный дом.

Конечно, было тревожно. Но все обошлось. Нас приняли приветливо в большой чеченской семье, главой которой был влиятельный здесь человек — выросший в России инженер из Иванова. Во время долгой ночной беседы нам открылась и другая сторона этой трагедии, которая касалась множества простых чеченских семей. Мы разрешили почти все наши вопросы. Далеко за полночь, отчистив мой заплеванный подрясник и крепко помолившись, мы с Зурабом уснули крепким сном.

На Пасху мы получаем приглашение в будущую жизнь

Автор: Admin

13.04.2015 07:04 - Обновлено 18.08.2015 08:58

Наутро, а это была Великая среда, мы с той же группой чеченской охраны пустились в обратный путь по разрушенному городу. Наши охранники выглядели сегодня более доброжелательно. Видимо, на них произвело впечатление, что мы не побоялись ради дела заночевать в незнакомом доме.

Только поздним вечером, усталые после множества приключений (среди которых, к сожалению, была и часовая погоня за нашей машиной каких-то непонятных даже нашей охране боевиков) мы прибыли в аэропорт Северный, на российскую базу.

Подходя к казарме, мы с Зурабом предвкушали, как попьём горячего чайку с хлебом, почитаем захваченное из Москвы Последование Страстного четверга, потом правило ко причащению и завалимся спать до утра. Если бы мы знали, что нас ждет в казарме!

В дверях нас с нетерпением встречали два офицера. Они крепко обняли нас и сказали, что военные, которые уже не надеялись увидеть нас живыми, узнав, что мы целы, невредимы, приготовили нам торжественную встречу.

Переступив порог казармы, мы просто окаменели: огромный стол посреди казармы был уставлен невероятным количеством яств. Здесь были и дымящиеся куски баранины, и жареный поросенок, и заливная рыба... Рядом на этажерке, на видном месте, стояла бумажная иконка в раме, а перед ней горела парафиновая свеча — хозяева сделали для нас все что только могли. Мы с ужасом смотрели то на гастрономическое изобилие, то на обрадованных нашим возвращением офицеров, которые, обступив нас, наперебой приглашали к столу.

— Я не могу... Я никогда в жизни не нарушал Великий пост! — прошептал Зураб.

Что было делать? Начать объяснять строгости Страстной седмицы? Прочесть этим людям, постаравшимся для нас от всего сердца, лекцию о том, что не только мяса — постного масла сегодня нельзя вкушать по церковным уставам? Признаться, мы с Зурабом даже в страшном сне такого представить не могли... Но мы оба чувствовали, что все наши совершенно правильные объяснения будут сейчас несравненно грешнее перед Богом, чем это негаданное для нас нарушение поста.

На Пасху мы получаем приглашение в будущую жизнь

Автор: Admin

13.04.2015 07:04 - Обновлено 18.08.2015 08:58

Эта долгая и прекрасная, исполненная истинной христианской любви трапеза запомнилась нам с Зурабом на всю жизнь.

В последующие годы нам с братией монастыря не раз приходилось бывать в Чечне и в других военных гарнизонах, и, если поездка выпадала на время поста, мы всегда заранее усердно просили учитывать наши гастрономические ограничения.

С архимандритом Тихоном (Шевкуновым)
беседовал Валерий Коновалов

Труд

13 апреля 2012 г.